

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ

ЛИСТОПАД

РАССКАЗ

С возвращением Алексея Спиридонова из областной больницы домашние зашевелились, забегали, не зная, как теперь вести себя. Ездивший за ним сын Анатолий помог выбраться из кабины лесхозовского грузовика, который специально гоняли, чтобы привезти после операции бывшего работника. Коренастый сын хотел на руках отнести отца, но Алексей постеснялся шофера — неуклюже разобрав костыли, сам осторожно заковылял на одной ноге. Десятилетний внук, еще на крыльце увидев деда, попытался подставить худенькое плечо, отчего Алексей совсем смутился. А потом и вовсе вспотел от необъяснимого стыда перед вышедшей женой, словно был виноват перед ней за оставленную в больнице ногу... В доме же, едва он кое-как уместился на диване, жена зачем-то накрыла шалью пустую штанину, чем окончательно вывела его из себя, и, сердясь, он растерянно пугнул:

— Зин, ребятам поесть собери. Весь день со мной валандались!

Жена обиделась, хотела по привычке огрызнуться, но осеклась и ушла в кухню. Вскоре небогатая закуска стояла на столе, и Алексей сказал вертевшемуся рядом внуку:

— Витек, зови шофера и отца — пусть перекусят!

Когда мужики уселись за стол, Алексей остался на диване и от рюмки отказался. Внук подал ему миску с едой, и Алексей ел без настроения, будто по обязанности. Его напряженность передалась мужикам. Они молча

ПРОНСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в городе Пронске Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор книг "Племя сирот", "Три круга любви", "Казачья Засека", "Стяжатели" и других. Лауреат литературных премий имени А. С. Пушкина и А. П. Платонова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

хряпнули по стакану, молча похрустели огурцами и вышли на крыльцо курить. Не получился разговор и с Зинаидой.

— Как доехали-то? — спросила она скорее из приличия, как понял Алексей.

Ответил так же:

— Не сами ехали — машина довезла! — и неумело попытался встать на костыли. Жена хотела помочь, но он отмахнулся: — Сам справлюсь... Пойду в саду посижу... — и, посмотрев на Зинаиду, только сейчас по-настоящему заметил, как она постарела и похудела за последнее время.

Спиридонов через двор осторожно вышел в сад, где стоял вкопанный стол с двумя скамьями. В тишине сада, на густом осеннем воздухе Алексей мало-помалу успокоился, залюбовавшись багряно-желтой листвой росших на меже деревьев, называемых в семье аллеей. В последние годы деревья порывались спилить, чтобы не тенили сад, но Алексей всякий раз останавливал. “Усадьба наша крайняя, аллея соседям не мешает — пусть стоит... — обиженно говорил он жене и сыну. — Вот когда помру — делайте что хотите, а пока живой — пусть будет по-моему...”

Алексеем захотелось курить, как прежде курил здесь, когда выдавалось свободное время. Бывало, посидит минут десять — всего-то ничего, — а уж кажется, и отдохнул, и на жизнь по-иному начинать смотреть. Теперь же курить нельзя — врачи запретили. Да и домой спешить не обязательно из-за своей ненужности. Теперь вообще, как понял еще в больнице, спешить куда не надо. Какой спрос с инвалида? Хотя об этом лучше не думать: если начинал забивать такими мыслями голову, то делалось стыдно перед самим собой. Правда, еще весной вышел на пенсию, но много ли купишь на гроши? И приносят их через пень-колоду, а последний раз и вовсе задержали! “Когда же это было-то? — начал вспоминать Спиридонов. — В июле или августе? Точно — в августе!” Он тогда как раз ездил в районную больницу; пока нога просто болела, терпел, а когда начала краснеть, то волей-неволей пришлось к врачам бежать. А он и не помнил, когда был у них последний раз, не знает чего сказать надо.

— Вот! — показал на приеме у хирурга распухшую ногу, подняв до колена штанину. — Меры принимайте!

— Это мы запросто! — в тон ответил круглолицый, упитанный врач. — Хоть сегодня операцию сделаем.

— Как сегодня?..

— Очень просто... Если хотите, сегодня и прооперируем. Только подобные операции у нас платные, и вам следует прежде уплатить пять тысяч!

— Чтобы собственную ногу отрезать, еще и пять тысяч надо?! — застонал Алексей. — У меня и денег-то таких нет... А если и были бы, то все равно не дал!

— Жить захотите — найдете, с протянутой рукой будете стоять и последнее отдадите.

Будь его воля, Алексей запросто задушил бы толстомордого гада. Уж чего-чего, а руки-то пока не ослабли, не смотри, что сам в плечах неширок. Но ругаться не стал — криком ведь ничего не добьешься. Зато сказанул с такой едкой подковыркой, что самому страшно сделалось:

— Если не беретесь лечить — в область посылайте. Там поопытнее специалисты найдутся!

Им-то что: дали направление — и катись на все четыре... В областной больнице — Алексей как чувствовал — отнеслись по-человечески. Правда, ногу все равно отняли, зато бесплатно. А сначала даже пытались лечить — какую-то мелкую жилу искали, чтобы пустить кровь по новому пути. Вот только ничего у них не вышло. Но ведь хотели помочь, старались — поэтому и обиды не было. Наоборот — спасибо хотелось говорить. Особенно лечащему врачу. Пожаловался ему Алексей, что обезболивающие уколы совсем не помогают, и попросил проверить медсестер — ведь совсем девчонки, вдруг что-нибудь напутали. А тот заулыбался понимающе, стеснительно поправил очки и сказал, будто похвалил:

— Значит, винцом-то все-таки злоупотребляли, если наркотик не действует?

От такого вопроса Алексею даже стыдно сделалось, не нашелся сразу, что ответить.

— Как все... — проямлил стеснительно. — У нас в лесхозе ребята дружные...

Врач посмеялся и назвал лекарство посильнее, только в больнице нет его... Хорошо, потом дальняя родственница где-то купила. Раньше-то Алексей мало знал ее, редко виделись, а тут Зоя стала как мать родная. Душу бы отдал за нее...

— Дедушка, ты чего здесь засиделся-то? — отвлек от мыслей голос внука. — Пойдем в дом, скоро ужинать.

На этот раз Алексей сел за стол вместе со всеми, но с краю, чтобы удобнее было. Его место занял сын. Никто не придавал этому значения, но Алексея, хотя и не обидело — чего же на сына обижаться? — по самолюбию резануло. Не понравилось и то, как сноха начала ухаживать, хотя никогда не отличалась заботливостью. Прежде редко по имени назовет, а тут “папа” да “папа”, и тарелку двигает поближе, будто он немощный совсем... Хотя позже переменил мнение о снохе: ведь не отворачивалась равнодушно, а жалела.

После ужина быстро разошлись по кроватям. Жена легла с внуком, побоявшись спать с одноногим мужем. И от этого Алексею сделалось не по себе. “Все я чужой стал, — думал он, засыпая, — будто гость в собственном доме!” Быстро заснув, он почти сразу проснулся: приснилась отнятая нога. Болела она во сне так похоже, так кусаче и пронзительно, что казалось, от боли уж и дышать не было сил... Проснувшись, он ощутил культю, словно она могла отрасти, немного успокоился и вновь пытался уснуть, но теперь культя разболелась по-настоящему: он чувствовал, как ноют пальцы, пульсирует кровь в распухшей голени, которой не было... “А вдруг теперь всегда будет болеть то, чего нет?” — тревожно думал он, вновь засыпая, и не мог смириться с этой мыслью.

Заснув позже всех, Спиридонов проснулся всех скорее. Потихоньку оделся, опасаясь зацепить за что-нибудь костылями, вышел на крыльцо и стал наблюдать за неспешным октябрьским рассветом, удивленно отметив, что прежде некогда было заниматься этим: всегда куда-то спешил и спешил, будто всю жизнь опаздывал. Когда развиднелось, появилась жена, удивленно взглянула, вернулась в дом и вынесла шаль.

— Что ты шалью-то меня все укутываешь, как старуху какую? — незлобно ругнулся Алексей. — Не холодно мне!

Правда, все-таки сделалось приятно, что жена заботится. Другая давно бы рукой махнула.

Позже, когда сын погнал в стадо корову, Алексей попросил:

— Толян, обратно пойдешь — охалку прутьев нарежь...

— Зачем тебе ивняк-то? — заспанным голосом отозвался сын.

— Чего без дела сидеть — буду корзинки плести...

Алексею от своей задумки радостно сделалось: не совсем уж будет обузой! Эта мысль и согревала весь день, когда, расположившись у аллеи, потихоньку подбирал ивовые прутья. И все плохое забылось от неторопливой работы, а после обеда, когда в сад неожиданно пришла почтальонка, чтобы он самостоятельно расписался за пенсионный перевод, и вовсе запела душа. И было отчего: почти десять тысяч получил! Вот так-то! Обычно-то пенсия чуть за три переваливала, а сегодня вон сколько перепало. Он даже засомневался, спросил у почтальонки по-простому, потому что она была почти ровесница:

— Маш, нет ли какой ошибки? Уж больно прибавку сделали большую.

Чтобы отсчитать деньги, полноватая Мария присела за стол и, исподволь поглядывая на почти готовую корзину, ответила равнодушно:

— Откуда мне знать... Что на почту шлют из собеса, то и раздаем. Так что, Алексей Степанович, радоваться должен, а ты чем-то недоволен.

Алексей отметил, что почтальонка назвала по отчеству, хотя никогда прежде так не величала. Приятно сделалось. Поэтому, когда она похвалила почти готовую корзину, предложил:

— Вот закончу — и забирай, не жалко!

— Я бы заплатила, не просто так...

— Ничего не надо... И так вон сколько денег отвалила — в руке не помещаются. Так что, считай, корзинка у тебя уже есть. А что, самый подходящий инвентарь для сельской местности!

Довольная Мария вскоре ушла, и Алексей следом — не терпелось показать деньги жене, хоть какую-то радость сделать ей и, чего греха таить, похвастаться. И он не ошибся: Зинаида даже поцеловала, и не как-нибудь вскользь, а как прежде, в молодости... И от ее поцелуя, близости — у Алексея зачастило сердце, затуманившимися, потемневшими глазами он пристально посмотрел на жену и спросил:

— Где Витек-то?

— С дружками куда-то убежал! — с готовностью ответила она и, внимательно посмотрев в ответ, вышла в сени и громыхнула задвижкой, закрываясь изнутри.

Когда вернулась, Алексей сидел на диване полураздетый, лихорадочно скидывая остатки одежды, и ни о чем более не спрашивал, ничего более не говорил, разогревшись от неожиданно нахлынувшего желания...

Одевался же потом не торопясь, нехотя, так что Зинаида начала подгонять:

— Пошевеливайся давай — раскотятился... Сноха скоро с работы придет!

— А то она мужика голого не видала! — улыбнулся Алексей, не желая расставаться с легкомысленным настроением.

— Одевайся, говорят тебе! — начала злиться Зинаида, словно и не было вспышки обоюдной нежности, а произошло досадное недоразумение, о котором надо побыстрее забыть.

Алексей на жену не обижался. Наоборот — на душе сделалось радостно, легко, ведь у него получилось то, о чем он и не вспоминал последнее время, и теперь радовался этому событию...

— Отец, чего это с тобой?! — подозрительно прищурившись, спросил сын, когда вернулся с работы.

Алексей загадочно улыбнулся:

— Не зря мы утром затеяли корзинку плести... Оказывается, это хорошая примета... Знаешь, сколько мне сегодня денег отвалили? Десятку!

— Так я и поверил... Люди по четыре месяца копейки не получают, а ему — “десятку” на блюдечке!

— Зин, — сказал Алексей жене, — выдели ему на бутылку, если сомневается!

Сразу, конечно, денег на выпивку они не получили, но взяли измором: разве устоишь в такой день! Женщины на радостях даже сами потом выпили с мужиками по рюмочке...

Начав трату с сотни, на следующий день, половину отдав за долги, они истратили все деньги. Алексей настоял, чтобы женщины не жадничали, когда поехали в райцентр, а те и рады стараться: внуку купили часы, себе по кофте из ангоры отхватили, Анатолию и снохе джинсы, а ему — чтобы без обиды было — рубашку теплую присмотрели. Вечером Алексей любовался домочадцами и удивлялся: какая, оказывается, сила в деньгах! Еще вчера утром ни из кого слова не вытянешь, а сегодня все довольные ходят, улыбаются и без усталости болтают.

Хорошее настроение прописалось в доме постоянно, все сразу привыкли к нему, теперь казалось, что всю жизнь так жили: радостно и вольготно.

Пока стояло тепло, Алексей по утрам уходил в сад и с удовольствием занимался корзинами; каждая новая получалась аккуратнее, изящнее, словно он их плел для выставки. И все бы хорошо, но через три дня, когда после завтрака Спиридонов по привычке уже копошился в саду, то совсем рядом услышал голос жены:

— Алексей, к тебе вот из собеса пришли...

Подняв голову, Спиридонов увидел рядом с Зиной молодую нарядную женщину и вопросительно посмотрел на нее, смутившись в душе.

— Что случилось? — спросил неуверенно и сразу сердцем почувствовал, что ничего хорошего от этого нашествия не будет.

— Алексей Степанович, вы знаете... — сказала женщина и неожиданно закрыла лицо, начала всхлипывать. — Из-за моей ошибки вам неправильно начислили пенсию...

— Я-то при чем?!

— Ни при чем, разумеется, но вам эти деньги надо вернуть... не все, разумеется, а лишние, то есть, — она заглянула в бумажку, — шесть тысяч семьсот два рубля...

— Опоздали... Деньги мы давно истратили, — с неожиданной радостью вздохнул Спиридонов и посмотрел на жену, будто сказал ей: “И правильно сделала!”

— Как же мне теперь быть?! — ойкнула женщина и вновь завсхлипывала.

— В суд на меня подавайте — вот как!

— За что же подавать? Вы разве виноваты?

— На всякий случай...

— А может, нам занять и вернуть? — поспешно предложила Зинаида, услышав слова о суде.

— Еще чего?! — хмыкнул Алексей. — Когда пенсию задерживали, они не спрашивали, как мы без денег сидели! Если задерживали — значит, квиты. И нечего, гражданочка, нам голову морочить. Нам сейчас самим до себя! — Спиридонов демонстративно отвернулся, начал усердно шкурить ивовый прут, будто это было самое важное занятие на свете.

Когда женщина ушла, Зинаида напустилась на мужа:

— Зачем, дуралей, накричал-то на нее? Она и вправду заявление подаст или штраф какой выпишет!

— С колченого брать нечего! Если только костыли отнимут... Тогда са- модельные выстураю!

Зинаида поняла, что далее говорить бесполезно, и, охая, ушла в дом. Правда, через час или полтора вернулась, да опять не одна, а с давешней повеселевшей бабенкой, на этот раз приехавшей на машине.

— Алексей Степанович, все, кажется, уладилось, — сказала она радостно. — Наше руководство разрешило деньги не взыскивать, учитывая ваше тяжелое материальное положение, а при выплате пенсии в последующие месяцы — удержать.

— Хоть на этом спасибо, — ухмыльнулся Спиридонов.

Довольная женщина уехала, и Зинаида повеселела, а Алексея не покидало чувство обиды. Будто посмеялись над ним. Сначала подразнили большими деньгами, обнадежили, а теперь, когда деньги разлетелись, как хотите, так и живите, да еще спасибо говорите, что пожалели.

В этот день Спиридонов корзинами более не занимался: настроение пропало, да и чувствовать себя стал хуже — слабость навалилась, и озноб волнами пробирал. Поэтому, едва поужинав, первым улегся спать, не желая ни с кем говорить. И с ним зря языком никто не молот, даже внук, потому что все знали об истории с деньгами и считали себя обманутыми. Поворочавшись на диване, Алексей перебрался на печку, где кое-как избавился от озноба и, согревшись, заснул. Но среди ночи проснулся и почувствовал, что лежит потный, и рот пересох от жажды. Хочешь не хочешь, а пришлось слезать. Осторожно, на руках, спустился на пол, нашарив костыли, пошел в кухню и зацепил какую-то посудину, отчего жена сразу подала сердитый голос, будто и не спала:

— Ты чего там?

— Попить, что ли, нельзя... — огрызнулся он и, попив, перебрался на диван, который, пока спал на печке, успела занять жена.

Не желая колготиться среди ночи, она подвинулась, но он недовольно поворчал:

— Иди, оккупантка, к Витьке, мне одному места мало! — И прогнал ее на кровать к внуку.

Сделал по-своему, а когда остался один, то ругал себя, потому что не хотел этого.

Утром у Спиридонова поднялась температура, и начала болеть оставшаяся нога. От температуры он попросил у Зинаиды таблеток, а о ноге из суеверия ничего не сказал. Ему, правда, казалось, что левая нога болела намного сильнее, а эта вроде и не так уж, или он привык относиться к боли наплевать, не думать о ней, потому что если начинал думать, то делалось еще больнее, чуть ли не до слез.

Через несколько дней Спиридонов понял, что и со второй ногой неладно, видно, опять придется ехать в областную больницу. Когда так думал, то невольно ловил себя на обжигающей мысли, что там и вторую ногу оттяпают и станет он тогда полный калека. А если жилы и дальше будут закупориваться, то и вовсе каюк. Он вспомнил, как лет пять назад у одного знакомого такая же история началась с ногами, так же резали, резали, потом уж и резать стало нечего — совсем помер... Подумал, что и его ждет такая же участь, и на душе стало тоскливо-тоскливо...

Чему быть, того не миновать. Поэтому, улучив момент, Алексей сказал сыну, не желая до поры делиться с женой:

— Толян, зашел бы к начальству — попросил машину еще раз в больницу отвезти. У меня новая беда... Матери ничего не говорю, хотя, конечно, шила в мешке не утаишь, но пусть пока ничего не знает. А то ведь рассопливится, а на душе и без ее нытья кошки скребут...

— Ладно, — нехотя согласился сын, — как-нибудь найду...

— Не “как-нибудь”, а завтра сходи, а то потом выходные подоспеют — я тогда, может, и до понедельника не доживу.

— Хватит, отец, болтать! Что ты как баба стал! — грубо, словно ровеснику, сказал сын и пообещал: — Завтра утром найду, если надо, не переживай.

Поговорив с сыном, Алексей начал готовиться к больнице — настраивал себя на новые мучения, даже на еще одну операцию. Пусть потом совсем будет без ног, он стерпит, лишь бы родные не отказались... Обнадеживающие мысли сменялись черными, ему уже казалось, что он и не жилец на этом свете, и чем скорее его не станет, тем всем будет лучше. От таких дум жить совсем не хотелось, а чтобы домашние не видели его состояния — укрывался одеялом и делал вид, что спит. Тогда жена украдкой накрывала поверх одеяла шалью, а его от этой шали начинало трясти, и он сбрасывал ее на пол...

На следующий день, увидев сына в неурочное время, спросил:

— Что это так рано вернулся? Еще ведь и обеда не было!

— А нас всех в неоплачиваемый отпуск на два месяца выгнали. Бензина нет!

— Дожили... О машине узнал?

— Сказал же: в лесхозе нет бензина... Но ты не переживай — на легковушке махнем. С приятелем договорился. Хоть завтра можно.

— Чем же заплатим-то?! Денег у матери совсем не осталось. Хотя бы картошки мешка два дай. Нехорошо за бесплатно-то...

— Картошку ему свою девать некуда. Помогу дрова пилить.

После этого разговора уже не было смысла скрывать поездку от жены, и, когда она появилась в доме, Алексей угрюмо сказал:

— Завтра в больницу еду... Собери с собой кой-чего.

— Что ты выдумываешь?! Зачем тебе в больницу-то?!

— Надо. Вторая нога болит... Толян уж договорился — отвезут меня.

— Господи, когда я отмучаюсь! — зажала Зинаида голову, закатилась в плаче, но Алексей успокаивать ее не стал.

Он поднялся с дивана, надел куртку и вышел в сад, где, кое-как доковыляв до аллеи, тяжело опустился на скамейку. Несколько дней не был здесь, а как все изменилось. Это в начале листопада казалось красиво, а сейчас аллея стояла черная, неуютная, чужая, будто никому не нужная сирота. Хмельной запах яблоч сменился запахом грибов и плесени. Почему-то Спиридонову подумалось, что когда его не станет, Толян послушается мать и спилит аллею, как он сам спилил, когда умер отец от фронтных болячек, укоротивших ему жизнь. Алексей тогда только демобилизовался... С тех пор

аллея поднялась, закудрявилась, Алексей привык к ней. Она напоминала отца, давнюю жизнь — и вообще хорошо с ней было, уютно. А сад? Что сад! Когда урожай, то яблоки и так девать некуда, а если год пустой, то их ни у кого нет... От мыслей отвлекло шуршание листьев, густо завалившей землю, он оглянулся на шорох и увидел крадущегося внука.

— Стой, партизан, попался! — крикнул Алексей. — А если уж попался, то сбегай к отцу за сигареткой!

— Тебе врач запретил курить! — важно напомнил внук.

— Одну иногда можно... Слушай, что старшие говорят!

Внук капризно посмотрел на деда, нехотя поплелся в дом, а когда вернулся, настойчиво сказал:

— Тогда я сам спичку зажгу!

— Зажги, — разрешил Алексей, — и к бабушке беги, а то она зачем-то искала тебя...

— Ну и врун ты у нас, — не поверил внук, но, еще немного покрутившись, все-таки ушел, и Спиридонов остался один.

Сперва сладко затянувшись, он поперхнулся, закашлялся и затоптал сигаретку, не найдя в ней прежнего удовольствия. Алексей печально смотрел на посеревшие от дождей яблони, с кое-где забытыми краснобокими плодами, на стыдливо голую после листопада аллею, за которой непривычно сквозил пожухший луг, и понял, почему именно сейчас захотелось побыть одному, именно в эти прощальные тихие минуты, когда с уснувших деревьев опадали последние сиротские листья.